

12+

Книга мёртвых писем

Долинская Анжелика

Анжелика Долинская
Книга мертвых писем

«Издательские решения»

Долинская А.

Книга мертвых писем / А. Долинская — «Издательские решения»,

В архиве святой Урсулы хранят письма, не дошедшие до адресатов. Мариэль бережёт их как чужую память, Элиас учится читать в них то, что не решается сказать сам. Но когда их собственная переписка попадает в руки тех, кто умеет превращать любовь в обвинение, каждое слово становится опаснее огня. «Книга мёртвых писем» — готический роман о любви, власти, предательстве и бумаге, которая переживает людей.

© Долинская А.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Пепел в конверте	6
ГЛАВА 2. Чёрный сургуч	12
ГЛАВА 3. Оставленная лампа	19
I	20
II	22
III	23
IV	25
V	26
VI	27
VII	30
VIII	31
ГЛАВА 4. Королевская помолвка	32
I	33
II	34
III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Книга мертвых писем

Анжелика Долинская

© Анжелика Долинская, 2026

ISBN 978-5-0070-1634-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Пепел в конверте

Зима 1319 года

Из связки бумаг, найденных в северной нише разрушенного архива святой Урсулы. Лист плотный, с водяным знаком дома Ротенов. Печать отсутствует. На сгибах — следы копоти. Конверт вложен отдельно; внутри него обнаружена серая пыль, смешанная с крошками чёрного сургуча.

Письмо не внесено в реестр отправленных. Подписи нет.

Госпоже Мариэль де Вальн, дочери бывшего хранителя монастырского письмовника, прежде состоявшей при архиве святой Урсулы, ныне пребывающей вне земной юрисдикции короны и кафедры.

Милостивая госпожа,

следовало бы начать иначе. По уставу канцелярии, по обычаю нашего дома, по той дурной выучке, которая годами вытравляла из руки всякую живую слабость, следовало бы поставить вверху число, место составления и полное имя адресата. Число я помню. Место слишком тесное, чтобы называться местом: каморка при восточной стене, где зимой чернила густеют в склянке, а свеча чадит от сырости. Полное имя ваше рука выводит отказывается. Она служила мне вернее многих людей, эта рука; держала меч, чашу, поводья, печати, чужие приговоры. Теперь перо лежит между пальцами с такой неловкостью, с какой старик берёт детскую игрушку, найденную под обломками дома.

За окном снег. Он валит с ночи, прибывает к земле следы, засыпает колесные колеи и ступени, сглаживает щели между плитами внутреннего двора. Стража у ворот бранила его до рассвета, потом умолкла; даже грубые люди устают спорить с небом. На подоконнике образовался белый валик, и каждый раз, когда ветер налетает с северной стороны, крупницы втискиваются сквозь разохшуюся раму, падают на стол, тают возле моей ладони. Бумага коробится. Чернила расплываются у края. Я сдвигаю лист дальше от окна, затем возвращаю обратно, будто расстояние в несколько вершков способно изменить содержание.

Вы бы заметили это. Вы всегда замечали такие бессмысленные вещи. Однажды, в башне, вы сказали, что люди выдают себя пальцами быстрее, чем словами. Тогда я рассердился на вас за вашу правоту. Теперь вся моя выдержка помещается в костяшках: они белеют на пере, пока я пытаюсь придать письму надлежащий вид.

Ваше последнее послание лежит справа от меня. То самое, с чёрным сургучом. Мне понадобилось время, чтобы его распечатать. Сначала положил на стол, потом на подоконник, потом спрятал в дорожный ларец, откуда достал через час и снова оставил перед собой. Печать была цела, на ней отпечатались знак кафедры: узкий крест с двумя птицами, обращёнными к разным сторонам. Воск раскололся под ножом без сопротивления. Чернота осталась на лезвии, забила под ноготь большого пальца; я тёр его полотном, пока кожа возле кутикулы не содралась. Смешно, правда? Человек может подписать чужую опалу, принять доклад о мятеже, выдержать взгляд брата за обеденным столом, а затем полвечера воевать с пятном на руке.

Вы мало писали. В этом была ваша милость или ваша последняя суровость. Четыре строки, две зачёркнутые, одна клякса у края, где перо, должно быть, задержалось. Я храню этот лист в открытом виде. Сложить его снова — значит согласиться с порядком вещей, а порядок вещей в нашем королевстве давно служит тем, кто умеет прятать нож в папке с документами.

Архив святой Урсулы сгорел на третий день после того, как вас заставили замолчать. Официальная запись объявила причину: опрокинутая лампа в нижнем скриптории. Запись составил брат Аллард, который боится огня с детства и вечером не подходит к светильникам без мальчика-служки. Перо его скользило по бумаге с непоколебимой уверенностью. Он поставил монастырскую отметку, приложил печать, затем вышел в коридор и блевал за кадкой с

замёрзшей водой. Его никто не допрашивал. Людей, пригодных для допроса, к тому часу осталось мало; остальные успели научиться отворачивать лицо от дыма.

Я видел развалины утром. Камни всё ещё излучали тепло. Снег вокруг стен лежал серым, местами проваливался в рыхлую корку, а в проломе западного крыла висели обугленные балки, почерневшие по всей длине. На земле валялись застёжки от переплёттов, скобы, железные углы сундуков, куски досок с пузырями смолы. Переписчики ходили, подбирая то, что могло сойти за остатки книг. Один мальчик нёс в рукавице половину страницы; буквы на ней сохранились у самого края. Он держал её бережнее, чем хлеб. Начальник стражи приказал бросить найденное в общую корзину. Мальчик не двинулся. Тогда стражник вырвал у него лист и сам положил поверх золы.

На месте вашего стола осталась выемка в полу. Я узнал её по трещине в плите, где вы когда-то зацепили каблуком и, теряя равновесие, схватились за полку с хрониками. Тогда с верхнего ряда посыпались книги, и одна ударила меня по плечу. Вы смеялись, пока я пытался выглядеть оскорблённым. Хорошо, что память не подчиняется королевским распоряжениям. Её невозможно стереть. Хотя мой брат, будь у него возможность, распорядился бы и этим.

Лорд Адриан прислал мне записку в тот же вечер. Три строки, без обращения. «Дело закрыто. Оставшиеся бумаги уничтожены. Тебе следует вернуться в Ротенбург до праздника святого Каспара». Он никогда не тратил лишних слов там, где можно было пригрозить строгим голосом. В детстве он учил меня держать нож: большой палец к рукояти, локоть ближе к корпусу, удар снизу, если противник выше. Позже он научил меня другому оружию — молчанию за столом, улыбке при свидетелях, письму, которое можно показать суду. Среди всех наставлений это оказалось самым долговечным.

Я не вернулся в Ротенбург. Послал управляющему домовый знак и приказ о задержке. Адриан поймёт. Он слишком хорошо знает, что человек, утративший самое опасное, временно становится неудобен: ему нечем мне пригрозить. Впрочем, я ошибаюсь. У него всё ещё есть моё имя, наши земли, старая болезнь отца, королевская милость, список должников, две сотни копий и умение облекать правду в форму, которая вызывает ощущение обмана.

Ваше имя всегда звучало в его устах с особой осторожностью. Он произносил его с такой брезгливой бережностью, с какой поднимают край ткани, испачканной кровью. Когда первое из наших писем попало к нему, Адриан не стал кричать. Он положил лист передо мной и придвинул подсвечник ближе. Огонь прошёл по строкам рыжим светом. Я тогда заслонил бумагу ладонью. Он усмехнулся и сказал, что такая преданность достойна лучшего применения. Фраза была пустяковая, почти любезная. Слуга у двери сделал вид, что разглядывает петлю на ставне.

Я вспоминаю тот вечер в башне чаще, чем позволил бы себе живой человек. Лестница была сырой, ступени поднимались узким винтом, и вы шли впереди, приподнимая юбку, чтобы не задеть подолом стену. В щелях между камнями сидел иней. На верхней площадке ветер выбил ставню; она хлопала с огромным упрямством, тогда мне пришлось подпереть её обломком скамьи. Вы стояли у окна в сером платье, слишком тонком для января, и держали в руках связку писем из мёртвого хранилища. От холода ваши пальцы покраснели, но вы всё равно не отдали мне бумаги. Сказали, что чужие признания нельзя носить в рукавицах. Мне следовало ответить шуткой. Я и ответил. До сих пор досадно.

Вы разложили листы на столе, прижали углы чернильницей, ножом, свечным блюдцем и моей перчаткой. Ветер тянулся к ним через щель, листы приподнимались, опускались, будто пытались уйти от нас. Там были разный почерк: тяжёлые дворянские росчерки, неровная монашеская вязь, купеческая скоропись, женские строки с тесными петлями и мужские — широкие, самодовольные, не умеющие поместиться в отведённом месте. Все эти письма не достигли адресатов. Одно пролежало сто лет под плитой у алтаря. Другое нашли за обшивкой исповедальни. Третье передала в архив женщина, которая прожила рядом с мужем сорок зим и после его смерти призналась бумаге, что ждала всю жизнь другого.

Вы спросили тогда, какая участь милосерднее: быть прочитанным поздно или не быть прочитанным вовсе. Я сделал вид, что вопрос касается архивного порядка. Вы закрыли глаза на мою трусость с такой усталой снисходительностью, что я едва не возненавидел вас на минуту. Потом вы протянули мне самый тонкий лист, и велели прочесть вслух. Я прочёл две строки, запнулся, и вы забрали письмо обратно. «Плохо», — сказали вы. «Вы читаете чужое горе голосом нотариуса».

Сейчас я пишу вам тем самым голосом. Простите.

Слово это, вероятно, ничего не стоит в месте, где вы теперь пребываете. На земле оно давно обесценилось: его ставят после казней, после доносов, после брачных договоров, после королевских поборов, после ночных обысков. Я долго избегал этого слова, потому что оно просит у мёртвых невозможного и даёт живым слишком удобное занятие.

Но сегодня оно прилипает к языку, к руке, к краю листа. Его легче написать, чем выдержать паузу без него.

Простите за архив. Я прибыл поздно. Эта фраза выглядит, как оправдание, и потому заслуживает ножа. Я прибыл тогда, когда стены уже почернели; когда сестра Беатрис сидела у колодца с обожжённой щекой и не выпускала из рук ключ, расплавленный наполовину; когда мальчик-переписчик искал среди золы своего учителя, хотя все знали, что искать следует в братской яме. В углу двора лежали три сундука, вынесенные стражей до пожара. На крышке одного виднелась метка моего дома. Я спросил, кто приказал вынести их. Начальник стражи посмотрел поверх моего плеча. За моей спиной стоял Адриан.

Он сказал, что спас государственные бумаги. Я ответил, что государство проявило прекрасную предусмотрительность, забрав из огня прежде всего частные письма. Он улыбнулся. В эту улыбку отец в своё время вложил половину наследства: ровные зубы, крепкая челюсть, умение не моргать, когда собеседник теряет лицо. Адриан положил ладонь мне на рукав и сжал ткань у локтя. Со стороны это выглядело братским участием. Под сукном проступил синяк.

Ваших писем среди спасённых бумаг не оказалось. Так он сказал. Позднее я нашёл в его дорожном сундуке один конверт с вашим знаком — тонкой веткой рябины, выцарапанной на воске булавкой. Конверт был пуст. Я мог бы ударить его тогда. Мог бы позвать людей, поднять шум, потребовать суда дома Ротенов над старшим сыном, объявить при свидетелях, что он торговал чужими признаниями с архиепископом Северином. Вместо этого я стоял у сундука и держал пустую оболочку письма. Адриан появился, не издав ни звука. Некоторым людям достаточно появиться в дверях, чтобы комната стала уже.

«Ты опять роешься в пепле», — сказал он.

Я аккуратно положил конверт обратно. Даже разгладил край большим пальцем. С этим жестом мне придётся жить дольше, чем с любым ранением.

Северин прислал соболезнование на следующий день. Пергамент дорогой, чернила с синеватым отливом, печать кафедры вылеплена безукоризненно. Его писцы искусны в своём деле. Архиепископ сообщил, что скорбит о повреждении хранилища, где веками сберегалась нравственная память края. Он написал это после того, как люди в его плащах вынесли из вашей кельи связку черновиков, сняли с полки книги с пометками на полях, забрали даже коробку с обрезками пергамента. Крысы оставляют после себя больше достоинства.

Ваше имя в его письме отсутствовало. Это была его любезность. Мёртвые, не названные в документах, удобны власти: с ними не приходится спорить о причине смерти, наследстве, вине, месте захоронения. Я перечитал письмо трижды и на четвёртый раз поднёс к свечному огню. Пламя добралось до печати, сургуч вздулся, потёк, оставил на столе бурю каплю. Мне стало легче на время, достаточно для одного вдоха.

Не знаю, дошли ли до вас последние звуки. Колокол в тот день бил с перебоями: старый звонарь сорвал верёвку, потом привязал её выше и продолжил, стоя на скамье. Город не проявил должного внимания. На рынке торговались, у мясных рядов спорили из-за цены, жен-

щины несли воду, дети лепили у стены ледяные шарики. Жизнь всегда проявляет грубость в дни, когда ей полагалось бы остановиться. Вы бы заметили это с вашей колкой справедливостью. Наверное, сказали бы, что мир занят собой, а человек каждый раз принимает это за жестокость.

Я не видел вашего лица. Эту милость или эту кару мне оставили — до сих пор не могу подобрать верное слово. Мне передали лишь платок, потемневший у края, и медный нож для разрезания страниц. На рукояти осталась ваша зарубка: маленький крестик, сделанный после того, как лезвие в очередной раз соскользнуло по плотной коже переплёта. Вы очень неумело ругались тогда на латыни. Я смеялся. Вы бросили в меня обрезком нити и велели не оскорблять древний язык свидетелями своей радости.

Платок лежит в ларце. Нож — передо мной. Им я раскрыл письмо с чёрным сургучом. Им же сегодня разрезал конверт, куда всыпал горсть пепла из северной ниши. Не знаю, чьи это остатки: страницы, балки, ткань, кожа переплёта, след вашей работы. В архиве всё перемешалось. Королевство, наконец, добилось равенства, о котором проповедники говорят по большим праздникам: имена, должности, тайны, просьбы, проклятия и любовные признания стали серой пылью, годной лишь испачкать пальцы.

На столе передо мной три вещи: ваш нож, ваше последнее письмо и этот конверт. Четвёртая вещь — свеча — угасает быстрее, чем мне хотелось бы. Я привык считать время по внешним знакам: поворот караула, скрип ворот, бой колокола, длина тени на стене. Здесь, в каморке, время сжалось до фитиля. Воск стекает в подсвечник и застывает неровными наплывами. Когда огонь падает ниже, буквы на вашем листе делаются чернее. К утру они, вероятно, снова станут обыкновенными. Утренний свет способен умалить трагичность событий.

Я должен сообщить вам, что дело прекращено. Так выразился бы писец. Обвинение против вас снято по причине невозможности дальнейшего разбирательства. Имущество архива передано под временную охрану кафедры. Уцелевшие бумаги переправлены в Ротенбург для проверки на предмет государственной угрозы. Сестра Беатрис оставлена под надзором, брат Аллард лишён права вести реестр, мальчик-переписчик бежал, по слухам, к восточным болотам. Дом Ротенов сохранил милость короля. Архиепископ Северин проведёт зимний собор и произнесёт речь о милосердии к заблудшим душам. Мой брат будет стоять справа от него.

Всё это следовало бы записать отдельно в докладной. Я слишком устал плодить бумаги, пригодные для чужих рук.

Вы однажды говорили, что письмо всегда ищет читателя, даже когда автор клянётся спрятать его. Тогда я возразил: бумага не имеет воли. Вы подняли голову от книги и посмотрели на меня поверх свечи. «Зато люди имеют привычку умирать раньше своих слов», — сказали вы. Я счёл это эффектной фразой. Простил вам её за красивый подбор согласных. Теперь эта фраза сидит в комнате со мной. Она занимает стул у стены, тот самый, где лежит плащ. Я обхожу её взглядом и всё равно натываюсь.

Если это письмо найдут, его истолкуют против меня. Против вас уже нечего истолковывать; вас достаточно истолковали люди, которым вы не подали бы руки даже в перчатке. Они скажут, что я обезумел от вины, что юношеское увлечение испортило мне рассудок, что младшие сыновья часто склонны к излишним чувствам из-за недостатка наследственных обязанностей. Адриан, пожалуй, добавит, что я всегда был слаб к книжной пыли и женщинам, умеющим держать перо. Он скажет это с улыбкой. Гости рассмеются. Кто-нибудь заметит, что бедная девица, должно быть, обладала редкой дерзостью, если сумела нарушить покой столь уважаемого дома.

Пусть говорят. Ничего из сказанного ими не дойдёт туда, куда должно было прийти это письмо.

Я пытаюсь вспомнить ваш голос и каждый раз терплю поражение. Сначала исчезает тембр, потом — скорость, затем остаётся одна манера ставить ударение на моём имени, чуть

короче, чем принято. Эли. Три буквы, которыми вы отрезали от меня род, герб, чин, старшего брата, королевский двор, все грамоты и печати. Я не разрешал вам этого, но вы и не спрашивали разрешения. В этом состояла ваша главная дерзость.

Сейчас, когда я пишу полное «Мариэль де Вальн», имя кажется чужим. Оно похоже на надпись в судебной книге. Мариэль — иначе. Но я не знаю, имею ли право на это сокращение после всего, что случилось между нашими письмами. Право — любимое слово подлецов. Они вынимают его из ножен при первом удобстве.

Я не стану просить вас о встрече за пределами смерти. Священники слишком охотно распоряжаются местами, где сами ещё не бывали, а я вдоволь наслушался их уверенности. К тому же мы плохо умели встречаться даже в пределах королевства. Всегда с опозданием. Всегда через коридор, стражника, семейный приказ, церковную дверь, дождь, войну, чужую печать. Даже в башне нам мешали книги, ветер, страх оставить следы на полу. Вы смеялись над моей осторожностью, потом злились, но всегда замолкали. Ваше молчание было хуже любой ссоры.

Сегодня я отдал приказ не трогать северную нишу до весны. Каменщики недовольны. Они хотят разобрать стену, укрепить свод и заложить пролом новым камнем. Я сказал, что мороз опасен для кладки. Они приняли это объяснение, потому что людям проще верить в свойства камня, чем в упрямство памяти. Весной приказ отменяют. Адриан добьётся этого через совет, Северин благословит работы, а король подпишет бумагу, даже не прочитав ее. К тому времени пепел смешается с талой водой. Его вынесут на подошвах.

Поэтому часть его лежит в этом конверте.

Я не знаю, что с ним сделать. Отправить нельзя. Кому? Где теперь ваш адрес? Оставить у себя — значит продолжить старую болезнь: складывать жизнь в ларцы, прятать, запирасть и вынимать лишь по ночам. Сжечь — слишком торжественно. Мир и так переполнен огнём, которому придали благочестивый вид. Похоронить — смешная мысль; бумага вырвется обратно наружу через любую землю.

Возможно, я вложу его в стену. В ту самую башню, если от неё останется хоть что-нибудь выше фундамента. Между камнями будет тесно. Мыши туда не доберутся. Люди тоже, пока новое поколение не решит, что старые стены мешают строительству. Тогда кто-нибудь вынет лист, прочтёт первые строки и удивится отсутствию подписи. Им захочется имени. Люди любят имена на чужих страданиях: с ними хочется составлять рассказы.

Перечитываю написанное и вижу, как много в нём порядка. Даже теперь я расставляю вину по полкам, распределяю мёртвых по обстоятельствам, прикладываю к боли канцелярскую мерку. Вы бы вырвали у меня перо. Или, что вернее, взяли бы чистый лист и написали поперёк: «Скажите прямо». Вы всегда требовали прямоты от того, кто был воспитан в доме кривых коридоров.

Я выскажусь откровенно, в пределах моих возможностей. Я предал вас раньше, чем это сделал мой брат. Он воспользовался уже существующим положением дел: моей осторожностью, моим страхом перед позором и моим желанием сохранить место за столом у людей, которые давно питались нами обоими. Он перехватил письма, продал или обменял; это установит суд, если когда-нибудь в Эйзенвальде появится суд для старших сыновей и архиепископов. Но первый замок на нашей двери поставил я. Каждое недописанное признание, каждая отложенная встреча, каждое обращение «госпожа де Вальн» там, где должно было стоять ваше имя, — всё это стало сухой соломой. Остальным оставалось поднести огонь.

Свеча почти догорела. Пламя дёргается, укорачивается, потом вновь поднимает тонкий синий край у фитиля. На пальцах серые полосы от пепла. Я провёл рукой по конверту и оставил след. Некрасиво. Вы бы укорили меня за неряшливость, а потом сами попытались бы стереть пятно рукавом. От этого сделалось бы хуже.

Завтра я покину монастырь. Ворота откроют на рассвете, если снег не завалит нижнюю арку. Со мной поедут два человека, оба из тех, кто умеет молчать. На южной дороге у старого

моста, стоит часовня святого Вита; там можно оставить письмо в трещине под алтарной плитой. Паломники кладут туда просьбы о детях, урожае, исцелении, возвращении мужей с войны. Моей просьбе среди них будет тесно и, пожалуй, неприлично. Я ещё не решил.

Ваше последнее письмо я заберу. Чёрный сургуч сохраню отдельно. Он раскрошился, но крупные куски уцелели; один похож на обломок зуба. Конверт с пеплом останется здесь до утра. Если рука дрогнет, я брошу его в огонь и тем избавлю будущих читателей от праздного любопытства. Если рука удержится, лист сложат по старой форме, без печати, без адресной метки, без имени отправителя.

Вы когда-то сказали, что неотправленное письмо всё равно совершает путь — от человека к тому, кем он боялся быть. Тогда я снова спрятался за насмешкой. Простите и это.

Снег у окна поднялся выше рамы. Ветер давит на ставни, в щелях скребёт ледяная крупа. Чернила на пере заканчиваются; в склянке остался густой осадок, он ложится на бумагу зернисто, будто каждую букву приходится вытаскивать из земли. Я мог бы развести его водой, но не стану. Последние строки должны выйти тяжёлыми.

Мариэль.

Вот наконец.

Я пишу это имя и отодвигаю нож, чтобы не задеть лист. Пальцы больше не слушаются. В комнате светлеет от снега, хотя до утра ещё далеко. На вашем письме тень от свечи лежит поперёк строк, скрывая середину. Видны только начало и конец. Так уж повелось у нас: самое начало сохранилось в первоизданном виде, финал же оказался слишком очевидным, а вот середина истории досталась другим.

Прощайте.

ГЛАВА 2. Чёрный сургуч

Зима 1319 года

Письмо, найденное в дорожном ларце Элиаса фон Ротена среди бумаг, не вневсённых в домовый реестр. Лист сложен втрое, край оборван, на нижнем сгибе — пятно воска тёмного цвета. Печать была снята грубо: сургуч расколот, часть оттиска утрачена. По сохранившейся дуге различим знак кафедры — узкий крест и две птицы, обращённые в разные стороны. Рядом хранился небольшой свёрток с крошками чёрного сургуча.

На внутренней стороне обёртки рукой Элиаса выведено: «Её последняя печать. Не отдавать».

Элиас,

Если это письмо попадет к тебе, знай: кто-то из наших братьев либо заплатил за него, либо запугал кого-то. Второй вариант более надежен, ведь страх контролирует человека. Я пишу на доске, положенной поверх колен, потому что стола в этой келье нет, а лавка слишком низкая. Чернила мне дали густые с осадком на дне. Перо старое, расщеплено у кончика, цепляет волокна бумаги и оставляет на некоторых буквах щербины. Не сердись на небрежность. В иных обстоятельствах я бы переписала всё заново, выровняла поля, соскоблила пятна, сменила лист. Здесь лишний лист считается привилегией, а привилегии в тюремном коридоре получают люди с должностями, ключами и хорошей роднёй. Ты, к счастью, обладаешь последним.

Меня привели сюда на второй день после пожара. Окно у меня под самым потолком, узкое, с железной решёткой. Через него виден кусок двора: мокрая стена, крыша караульной пристройки, водосточный желоб, по которому с утра ползёт ржавая вода. Дождь идёт третий день. Он не очищает город, не смывает грязь с плит, не приносит прохлады после зноя; он просто всё прибавляет к земле и делает камень скользким. Две вороны устроились на коньке крыши напротив. Одна клюёт что-то между черепицами, другая сидит с поднятым крылом и терпит непогоду с видом старшей настоятельницы. Впрочем, сестра Агнета вынесла бы дождю выговор за нарушение устава. Смейся, если можешь. Я стараюсь писать так, чтобы между строк оставалось место для твоего смеха.

Сегодня утром ко мне приходил брат-дознаватель. Молодой, с руками человека, который больше держал перо, чем хлебный нож, но уже научился оценивать людей, исходя из своего служебного положения. Он принёс три листа, разложил их на скамье, прижав пальцами углы. Влага в келье тотчас взялась за бумагу: края начали выгибаться, чернила на старых строках потемнели. Я сразу же узнала свой почерк.

Три письма из наших. Одно — твоё, написанное после северной дороги; помнишь, ты жаловался, что снег попадает даже в закрытые рукавицы, а солдаты умеют ругаться так, что монахини святой Урсулы умерли бы, если бы услышали. Второе — моё, с тем глупым рисунком рябиновой ветки на поле. Третье — обрывок, где осталась лишь середина фразы: «если башня выдержит ветер, выдержим и мы». Дознаватель прочёл эти слова вслух, споткнулся на «выдержим», затем кашлянул и спросил, кого я имела в виду.

Я сказала: «каменную кладку». Он записал. После этого мне показали письмо с твоей печатью. Красный воск дома Ротенов, трещина через левый край, след от большого пальца. Я знала этот след. Ты всегда торопился прижимать перстень до того, как сургуч схватится. Воск вспухал по краям, знак выходил смазанным, а ты говорил, что печать с изъёмом лучше безупречной: у неё есть характер. Я тогда отвечала, что характер не оправдывает дурной работы. Теперь эта дурная работа спасла мне остатки здравого суждения. Письмо предъявили как твоё. Печать была твоя, но писал явно не ты. Не спрашивай, как я это узнала. Ты сам научил меня видеть, где человек пишет, а где защищается. В настоящих твоих письмах строка начинала

клониться вниз, когда речь заходила о доме; «р» становилась острее перед именем брата; слово «долг» ты выводил коротко, с нажимом, точно хотел продавить бумагу. В том листе всё было выдержано. Человек, который его писал, знал форму твоих букв, но не знал, где у тебя в руке появляется усталость.

Брат-дознаватель ждал, пока я заговорю. За дверь кто-то прошёл, задел ключами железную скобу; звук прокатился по коридору и лег под стены. Я подняла лист ближе к свету. Там было сказано, что я склоняла тебя к тайной переписке, хранила запрещённые тексты, толковала старые письма против учения кафедры и собирала свидетельства, вредные королевскому миру.

Я попросила разрешения прочесть письмо до конца. Дознаватель позволил. На последней строке стояла просьба принять меры «до распространения соблазна». Соблазн — это, видимо, чернила на пальцах, книги с повреждёнными застёжками, холодная башня, где мы спорили о мёртвых людях, и две чашки разбавленного вина, выпитые в нарушение монастырского правила. Великая угроза для королевства. Не зря дом Ротенов держит во дворе столько вооружённых мужчин.

Я не сказала ему о подделке. Здесь правду принимают лишь в сопровождении нужной фамилии. Моя фамилия годится для архивной описи, для отметки на жалованье, для записи о смерти. Для суда она мала. Твой герб, напротив, занимает много места даже там, где его не рисуют.

После допроса брат-дознаватель собрал бумаги в кожаную папку. Одно из писем выскользнуло и упало у моих ног. Я не наклонилась. Он тоже. Мы оба смотрели на лист, лежавший на каменном полу, пока вода из-под двери не коснулась края. Тогда он поднял его двумя пальцами с брезгливой осторожностью и спрятал обратно. На мокром месте осталась чернильная тень. Несколько букв расплзлись. Я успела прочесть только «Эли». Странно, как мало нужно, чтобы человек потерял равновесие.

Не думай, что меня держат в цепях. Цепи оставляют следы, а церковь бережёт внешний порядок. Мне дали шерстяное покрывало, миску, кувшин и свечу на вечер. На стене возле двери вбит крюк; к нему привешивали лампу, теперь там пусто. Камни сырые, и если прислониться к ним плечом, ткань быстро намокает. В углу стоит ведро с мутной водой. Над ним ходит тонкий пар, когда в коридоре теплее, чем здесь. Ночью слышны шорохи крыс. Они скребут под настилом, замирают, потом начинают снова. Один раз я стукнула пяткой по доске, и тварь ответила таким же стуком снизу. Достойный собеседник для обвинённой в ереси.

Ересь. Это слово сегодня произносили четыре раза. Первый раз — с осторожностью, второй — с удовольствием, третий — для протокола, четвёртый — когда брат-дознаватель устал и решил ускорить дело. Я спросила, в какой именно мысли обнаружена порча веры. Он отвёл взгляд к двери. В комнате без окна на уровне лица дверь становится удобной иконой для тех, кто не хочет встречаться со взглядом живого человека. Потом сказал, что сомнение, записанное рукой женщины, всегда требует рассмотрения.

Я сказала, что сомнения, зафиксированные мужской рукой, нередко получают признание в обществе. Он покраснел до ушей. Записал ли — не знаю. Перо у него остановилось.

Я должна быть осторожнее. Сестра Беатрис сказала бы, что язык у меня всю жизнь шёл впереди благоразумия. Она приходила вчера вечером под предлогом проверки одежды. Ей разрешили войти одной, но у двери остался стражник, и его тень виднелась в пороге. Беатрис несла чистую рубаху, иглу, немного льняной нити и гребень без двух зубьев. Старуха наша постарела за неделю больше, чем за прежние десять лет. На щеке у неё ожог, кожа стянулась, когда она попыталась улыбнуться. Она поставила вещи на лавку и не сразу выпрямилась; пальцы задержались на ткани, стали разглаживать складку, которой там уже не было.

— Тебе холодно? — спросила она.

Глупый вопрос. Самый нежный из возможных.

Я сказала, что в архиве зимой бывало хуже. Она кивнула, достала из рукава маленький кусок хлеба, завернутый в тряпицу, и положила рядом с гребнем. Стражник кашлянул за дверью. Беатрис повернулась к нему всем корпусом со старческой важностью, от которой даже вооружённые мужчины делаются ниже ростом.

— У обвиняемой волосы в колтунах, — произнесла она. — Если господам угодно, чтобы на суде она выглядела ведьмой, я могу уйти.

Стражник переступил с ноги на ногу. Ключи у его пояса звякнули. Он не ушёл, но перестал заглядывать внутрь.

Пока Беатрис распутывала мои волосы, она дважды уколола палец гребнем. Я видела кровь на её ногте. Говорила о пустяках: о протекающей крыше в южном крыле, о том, что брат Аллард плохо переносит дым и теперь не может читать при лампе. Потом наклонилась ближе и сказала в самый узел волос:

— Держи язык за зубами до утра.

Я ответила:

— Не знаю, смогу ли...

Она дёрнула прядь сильнее, чем требовалось. Вот тебе и милосердие святой Урсулы.

Перед уходом Беатрис оставила мне эту бумагу. Не спрашивай, каким образом. В старости женщины становятся похожи на трещины в стенах: через них проходит то, что не должно проходить. Чернила она тоже достала. Перо — моё прежнее, из верхнего ящика в скриптории. Представляешь? Они вынесли из моей кельи запрещённые тексты, но не нашли перо, которым я правила счета на овёс. Дьявол, видимо, прячется в богословии, а не в хозяйственных книгах.

Я пишу, и рука время от времени вспоминает прежний стол. Там, в скриптории, левый край доски был стёрт локтем отца. Он всегда садился ближе к окну, даже в январе, когда от щели тянуло так, что свеча сгорала. Отец говорил: «Свет — это жалованье бедного писца». Красиво и совершенно бесполезно. От света у него испортилось зрение, а жалованье так и осталось бедным. После смерти он оставил мне две книги, нож для страниц и привычку исправлять чужие ошибки. Вот где моя ересь.

Тебя завтра могут вызвать. Если уже вызвали, ты читаешь это поздно. Если письмо дойдёт раньше — слушай внимательно, Элиас, даже если каждая строка будет царапать тебя по горлу. Они предъявят тебе наши письма. Не все, лишь выбранные. Те, где можно вырвать из ткани разговора удобную нить: башня, тайный архив, мёртвые послания, моё замечание о том, что исповедь иногда служит хранилищем доносов, твоя фраза о короне. Последнюю ты написал в сердцах, после дела о мельнике. Я тогда велела тебе зачеркнуть.

Они спросят, признаёшь ли ты почерк. Ты признаешь. Тебя с детства учили отличать герб от подделки, а вот почерк любимой женщины от государственного преступления — слишком тонкая наука для дворянского воспитания. Они покажут тебе письмо с красной печатью. То самое, чужое. Если ты скажешь, что оно не твоё, дело станет опасным для твоего дома. Если промолчишь, оно станет смертельным для меня. Поэтому я заранее пишу то, чего ты не любишь: выбор у тебя есть.

Впрочем, удобство редко посещало нас без сопровождения беды. Помнишь ночь, когда мы спорили о письмах из мёртвого хранилища? Ты стоял у окна и всё время поправлял ставню, хотя она держалась крепко. Я читала список имён, найденных за алтарной плитой. Дождь тогда бил по крыше башни, вода текла в щель между камнями и собиралась на полу возле твоего сапога. Ты отступал от лужи, лужа добиралась до тебя снова. Я сказала, что природа проявляет настойчивость, достойную юриста. Ты ответил, что юристы берут больше. Я смеялась слишком громко для монастырской башни.

Теперь это место называют гнездом соблазна. Смешно до дурноты. Если бы они видели нас там, по-настоящему видели, а не через свои папки, им пришлось бы разочароваться. Двое промёрзших людей, одна плохая свеча, связка чужих писем, кружка вина. Ты с вечной своей

осторожностью. Я с вечной гордыней. И всё же из этого сделали улику. Пожалуй, любовь становится опасной именно тогда, когда её можно процитировать.

Сегодня мне читали мои собственные слова. Неприятное занятие. Чужой голос портит их без труда: ставит ударение не там, глотает окончания, делает из живой строки предмет. Дознаватель дошёл до места, где я писала тебе: «Если Господь оставил людям письма, значит, Он устал слушать их вслух». Он поднял голову. В его лице было такое прилежное негодование, что мне захотелось дать ему домашнее задание и поставить отметку на полях. Он спросил, считаю ли я молитву недостаточной. Я сказала, что считаю недостаточным его чтение.

После этого он забрал свечу на час. В темноте келья изменилась. Камень стал ближе. Вода под дверью блестела слабым серым светом. Я сидела на лавке, держала руки под покрывалом, чтобы пальцы не немели, и слушала, как за стеной кто-то кашляет. Кашель был старческий, с хрипом, каждый приступ заканчивался долгой паузой. В такие паузы человек начинает ждать следующего звука и ненавидит себя за ожидание. Потом кашель возвращался. Вода капала с потолка в ведро. Крыса снова скребла под досками. Где-то далеко хлопнула дверь.

Я думала о твоём молчании. Оно имеет разные лица. При дворе — вежливое, с опущенными ресницами и пальцами на ножке кубка. В письмах — осторожное, когда ты оставляешь пустое место там, где слово просится на бумагу. В башне — упрямое с поднятым подбородком. Возле брата — тяжелое, обитое железом. Я злилась на каждое из них по очереди, потом устала.

Я больше не боюсь смерти. Я боюсь только, что ты снова промолчишь. Эту строку мне следовало зачеркнуть. Она слишком открыта для чужого чтения. Но я оставлю её. Пусть брат-дознаватель подавится. Пусть архиепископ Северин, если ему принесут копию, задержит палец на слове «боюсь» и решит, что получил доказательство слабости. Люди его склада принимают всякую человеческую прямоту за брешь в стене. Они ошибаются чаще, чем думают, и реже, чем заслуживают.

Ты можешь спросить, почему я пишу, зная, что лист перехватят. Потому что перехваченное письмо иной раз доходит дальше доставленного. Доставленное прячут в ларец, перечитывают ночью, складывают по сгибам, берегут от дождя. Перехваченное несут по коридорам, зачитывают при свидетелях, прикладывают к делу, переписывают для начальства, цитируют в обвинении. Оно обрастает чужими руками. Его боятся. Его не любят. А значит, оно работает. Наши письма уже работают против нас. Попытаемся заставить хотя бы одно работать иначе.

Если на суде тебе дадут говорить, не защищай меня любовью. Они ждут именно этого. Любовь легко осмеять, легче объявить наваждением, ещё легче превратить в доказательство женского колдовства и мужского ослепления. Говори о почерке. О порядке хранения архивных бумаг. О том, что письма из мёртвого хранилища числились в старом реестре задолго до моего рождения. О том, что доступ к северной нише имели семь человек, включая брата Алларда, сестру Беатрис, казначея обители и двух представителей кафедры, прибывших весной под предлогом проверки церковных доходов. Говори ровно, чтобы у них на языке потрескалась слюна.

Назови дату, когда твой перстень пропал после ужина у лорда Адриана. Да, я знаю. Ты тогда написал мне на следующий день, что потерял печать и вынужден пользоваться временной. Ты ещё шутил, что впервые в жизни дом Ротенов лишился права оставлять красные пятна на чужой бумаге. Я сохранила это письмо. Вернее, сохраняла до тех пор, пока его не вынесли из моего ящика. Если оно у них, они спрячут его. Если уничтожили, в памяти остаётся дата: пятница после дня святой Клары. Ты был в синем камзоле с разорванной манжетой, потому что зацепился за гвоздь у конюшни. Я все это помню.

Не смотри на Адриана, когда будешь говорить. Говори суду, даже если суд смотрит его глазами. Говори королю, если король соизволит явиться. Говори стенам, если все остальные предпочтут кашлять в кулак. Только не дай им получить от тебя то, за чем они пришли.

О Северине писать труднее. Его имя пачкает строку. Он приходил ко мне один раз, уже после первого допроса. Без митры, без посоха, в простой тёмной рясе; такие люди любят скромность. Вошёл, сел на лавку напротив, положил руки на колени. Длинные пальцы, ногти отполированы. На правом указательном — маленький порез. Наверное, бумага. Жаль, что бумага не умеет глубже резать.

Он назвал меня дочерью. Я посмотрела на его руки. Он повторил обращение. Тогда я сказала, что мой отец умер восемь лет назад и не носил перстней. Северин улыбнулся краем рта. Он предложил мне «смягчить участь» правдивым признанием. Я спросила, какая участь считается смягчённой. Он ответил, что церковь умеет отличать заблуждение от упорства. Я попросила определить разницу. Архиепископ поднял руку и коснулся пореза на пальце. Крови уже не было, но он всё равно проверил.

— Заблуждение склоняет голову, — произнёс он. — Упорство ищет свидетелей.

Я сказала, что тогда у церкви большие трудности со зрением. После этого он перестал улыбаться. Северин знает о нас достаточно, чтобы вредить, и недостаточно, чтобы судить. Он видел письма, выписки, обрывки. Он читал нас в чужой последовательности, с полями, исписанными обвинениями. В этом есть особая низость: взять переписку двух людей и разложить её на столе так, чтобы нежность выглядела заговором, стыд — ересью, осторожность — признанием вины. Я думала, только моль умеет пожирать ткань изнутри. Оказалось, канцелярия справляется лучше.

Они спрашивали о книге мёртвых писем. Им не нравится это название. В протоколе её именуют «собранием незаконных частных документов, не прошедших церковного освидетельствования». Представь, сколько чернил требуется, чтобы убить три слова. Эта книга стояла в северной нише, третий ряд снизу, за летописями старого аббатства. Ты помнишь. Ты сам однажды ударился плечом о полку, когда пытался достать её без лестницы. Я сказала, что высокое происхождение не прибавляет роста. Ты ответил, что низкое происхождение не прибавляет милосердия. Тогда я впервые захотела тебя поцеловать и одновременно вытолкать из башни.

Пусть они ищут книгу. Пусть трясут Беатрис, Алларда, мальчишку, каменщиков, мёртвых аббатис и крыс под полом. Книга не там. Я перенесла её в день, когда к нам пришли люди Северина с описью. Ты говорил, что я слишком доверяю дурным предчувствиям. Нет, Элиас. Память меня не подводит, но люди порой разочаровывают. Где она, писать не стану. Скажу лишь: если башня выдержит ветер, выдержим и мы. Теперь они считают эту фразу уликой. Пусть.

Сейчас в коридоре меняют стражу. Первый хромает, второй волочит ноги от усталости. Хромой всегда останавливается у моей двери и что-то ест, судя по крошкам под порогом. Сегодня он уронил кусочек сыра. Я видела его через щель. Полчаса спустя крыса высунулась из-под доски, схватила добычу и исчезла. Я засмеялась. Стражник открыл окошко в двери и велел мне молиться. Вот уж где забота: вместо того чтобы накормить, дают совет.

Мне осталось недолго писать. Свеча скоро потухнет, а Беатрис предупредила, что забирать лист придут до полуночи. Она не сказала кто. Я не спросила. В нашем возрасте — да, я теперь говорю «в нашем», потому что за эту неделю прожила больше, чем полагалось, — лишние вопросы становятся роскошью.

Слушай дальше. Если ты придёшь сюда, они используют это. Тебя проведут через южные ворота, где караульные давно куплены твоим братом или Северином; дадут увидеть мой плащ, может быть — прядь волос, может быть — платок. Потом скажут, что я просила встречи. Ты поверишь, потому что тебе захочется поверить. Тебя поставят в часовне у бокового входа, где слышно, как ведут людей по нижнему коридору. Ты сделаешь шаг к двери. Кто-нибудь положит руку тебе на плечо. Дальше бумага сама напишет обвинение: дворянин дома Ротенов пытался вмешаться в церковное дознание по делу женщины, с которой состоял в тайной переписке.

Тебя не убьют. Таких, как ты, берегут для обмена. Тебя заставят подписать отречение от моих слов, от наших писем, от башни, от книги, от всего, что ещё можно спасти. Ты подпишешь, если увидишь меня достаточно близко. Я знаю. Не спорь с мёртвой заранее; это дурной тон.

Поэтому не приходи к монастырю после вечернего звона. Не подходи к северной стене, где плющ закрывает старую калитку. Не верь мальчику с белой повязкой на рукаве, если он передаст тебе моё имя. Не отвечай на записку с рябиновой веткой, если сургуч будет чёрным: у меня нет чёрного воска, а тот, что ты видел на письме, поставлен не моей рукой. Не ищи встречи у часовни святого Вита. Не стой на мосту через мельничный ров. Не спрашивай Беатрис ни о чем. Не произноси моего имени рядом с братом.

Я нарушила собственное правило и написала слишком много запретов. Вот видишь, даже перед концом наставница архива во мне сильнее женщины. Прости за это слово — конец.

Пальцы замёрзли. Чернила ложатся комками. Я согреваю руку под рукавом, затем продолжаю, и строка каждый раз уходит вниз. Ты, конечно, заметишь и решишь, что я устала. Не делай из этого красивой сцены в голове. Усталость здесь простая: камень, сырость, плохая еда, мало сна. Никакого благородства. Героини романов, вероятно, умирают с ясным лицом и выразительными словами. Я сижу на лавке, кутаюсь в серое покрывало и думаю, что отдала бы королевскую грамоту за горячий бульон. Если это недостаточно возвышенно для обвинённой в ереси, пусть дознаватель внесёт в протокол.

Я хочу жить. Запиши это у себя в уме прежде всех моих высоких фраз. Хочу открыть окно в скриптории, выругаться на кляксу, отнять у Беатрис слишком крепкий чай, посмеяться над твоим плащом, который вечно цепляется за дверные скобы, дожить до весны, увидеть, как в монастырском саду вылезает первая трава возле колодца. Хочу снова ошибиться в тебе, потом простить, потом рассердиться, потом написать письмо вдвое длиннее нужного. Хочу столько мелкого, смешного, земного, что ни один суд не сумеет придать этому богословский вид.

Но если выбирать придётся между жизнью и тем, чтобы стать их подписью под ложью, я выберу камень под ногами. Выбор этот не делает меня святой.

Ты однажды сказал, что в письме человек храбрее, чем при встрече. Тогда я обиделась. Сегодня это признаю. Если бы ты стоял сейчас передо мной, я, вероятно, поправляла бы твой воротник, говорила бы о пустяках, бранила за бледность, велела бы уйти и смотрела на руки, лишь бы не дать голосу сорваться. Бумага избавляет от лишних жестов.

За дверью снова шаги. Хромой вернулся. Он остановился, скребёт каблуком по полу. Сейчас откроется окошко. Я успею дописать немного.

Элиас, если завтра тебя заставят выбирать между мной и правдой, не делай из меня причину для нового предательства. Я не хочу быть красивым оправданием твоего молчания. Говори. Говори с запинками, с дрожащими пальцами, с ненавистью к каждому слову. Пусть они увидят, что дом Ротенов способен породить человека, а не очередную печать.

И всё же — если ты уже идёшь, если письмо опоздало, если кто-то принёс тебе ложную весть, если сапоги твои уже в грязи у монастырской дороги, если ты слышишь колокол святой Урсулы и думаешь, что успеешь, — остановись. Поверни назад у первого фонаря. Сними перстень, спрячь его под подкладку. Найди Беатрис через пекарский двор, а не через ворота. Скажи ей только: «северная ниша». Больше ничего. Она ударит тебя или перекрестится; в обоих случаях слушайся.

Окошко открылось. Стражник велел тушить свечу. Я сказала, что обвиняемые в ереси должны видеть собственные ошибки. Он не оценил. Пора.

Я складываю письмо втрое. На сгибе останется след от ногтя, потому что ножа мне не дали. Сургуча у меня тоже нет. Если на этом листе окажется чёрная печать, знай: её поставили после меня. Моя печать — пятно чернил у нижнего края и хлебная крошка, застрявшая в волокне бумаги. Вот до чего дошло благородство нашей переписки.

Не приходи.

ГЛАВА 3. Оставленная лампа

Зима 1319 года

Материалы первичного разбирательства по делу о пожаре в архиве святой Урсулы. Пакет документов, приложенный к делу Мариэль де Вальн после пожара в архиве святой Урсулы. На верхнем листе — отметка канцелярии: «О случайном возгорании в северном крыле монастырского письмовника». Позднее тем же номером дела были скреплены материалы о ереси, сокрытии частных писем и повреждении архивного порядка.

Порядок документов сохранён по следственной нумерации.

I

Донесение начальника ночной стражи при монастыре святой Урсулы Составлено в четвёртую ночь после Рождества, зима 1319 года. Принято в королевскую канцелярию без исправлений.

По приказу городского смотрителя сообщаю о происшествии, случившемся в северном крыле монастыря святой Урсулы в ночь с третьего на четвёртый день после Рождества. Возгорание обнаружено после второго ночного звона, когда послушница, несшая воду из нижнего колодца в кухонную пристройку, заметила свет в окне старого скриптория. По её словам, свет был «неровный и красный», однако послушница молода, к ночной службе непривычна, а потому свидетельство её следует принимать с должной осторожностью. Она разбудила брата Алларда, временно исполнявшего обязанности писца по хозяйственным книгам, после чего в коридоре поднялась тревога. К моменту прибытия караула огонь уже вышел за пределы нижнего скриптория и достиг лестницы, ведущей к северной башне.

Дверь в старое хранилище была заперта. Ключ при себе имела сестра Беатрис, хранительница архивного порядка. Она находилась в южном крыле, где ухаживала за больной сестрой Агнетой, что подтверждено тремя монахинями и кухонной служанкой. Когда сестру Беатрис доставили к месту происшествия, она попыталась войти в горящее крыло, взяв у караульного топор. Караульный Марек Лонг удержал её за плечи; старуха сопротивлялась, ударила его рукоятью по запястью и получила ожог правой щеки от выпавшей из двери головни. Данный поступок следует отметить как свидетельство беспорядочного состояния духа, вызванного возрастом, ночным временем и привязанностью к вверенным ей бумагам.

Огонь распространялся быстро. Деревянные полки в нижнем хранилище, по словам монастырских служек, были пересушены зимним жаром от печей, хотя печи в том крыле, как позднее выяснено, с вечера не топились. В коридоре стояло два ведра с песком; первое опрокинулось во время суеты, второе оказалось наполовину наполнено водой, а не песком. Кто перевернул ведро — неизвестно. Я приказал людям выносить из ближайших комнат книги, сундуки и переплётные доски, пока огонь не перешёл к верхней лестнице. Из нижнего зала спасены три сундука с хозяйственными ведомостями, два ящика с переписанными проповедями брата Алларда, связка исповедальных выписок за прошлый год и малый ларец с печатями. Сундуки с частными письмами, по словам сестры Беатрис, стояли в северной нише. Дойти до неё не удалось.

Около третьего ночного звона обрушилась часть перекрытия между скрипторием и башенной площадкой. Искры пошли в сторону старой лестницы. Один из караульных, Ярен Кляйн, утверждает, что незадолго до обрушения видел в галерее человека в тёмном плаще. Другие стражники этого не подтверждают. В указанном месте дым стоял густой, лампы погасли, а крики из внутреннего двора мешали различать шаги. Ярен Кляйн зимой плохо видит левым глазом после ранения на северной дороге, что также следует учесть.

Пожар был усмирён к рассвету. Северная башня повреждена, нижний скрипторий выгорел, западная кладовая залита водой, часть каменной лестницы дала трещину. Людских потерь, по предварительным сведениям, нет. Пропал ученик-переписчик Питер, прозванный Рыжиком, четырнадцати лет, но мальчик отличался подвижностью и, возможно, укрылся в городе. Сестра Беатрис утверждает, что в башне могли находиться неучтённые бумаги, однако точного списка не представила, ссылаясь на «старый порядок» и «архивную совесть», что для следствия недостаточно.

Причина возгорания, по первому осмотру, — оставленная лампа в нижнем скриптории. Брат Аллард сообщил, что вечером видел такую лампу у стола переписчиков. На вопрос, кто её оставил, ответил, что в монастыре «многие ходят с огнём». Данный ответ уклончив, но

может объясняться расстройством. У брата Алларда руки дрожали, чернила на его рукаве были свежие, лицо покрыто копотью у правой щеки. Он просил не вносить в донесение, что до начала пожара чувствовал дым у двери своей комнаты. Причина просьбы неясна. В донесение внесено.

При сем прилагается список спасённых вещей и лиц, участвовавших в тушении.

Начальник ночной стражи Герард Фальк

II

Приложение к донесению

Опись предметов, вынесенных из северного крыла до обрушения перекрытия.

Почерк другой. Поля срезаны.

— Сундук дубовый, малый, с железными углами. Содержимое: ведомости свечного расхода, записи о закупке овса, списки послушниц, требующих зимних башмаков. Повреждение: левая петля согнута.

— Ящик сосновый, без замка. Содержимое: проповеди брата Алларда, переписанные в двух экземплярах; часть листов влажная.

— Ларец с печатями монастырского письмовника: пять штук. Одна печать треснула при выносе.

— Связка исповедальных выписок за год 1316-й, перевязана красной нитью, край опалён.

— Три переплётные доски без книг.

— Медный таз, найденный у башенной лестницы. Внутри — вода с сажой и клочок бумаги, текст утрачен.

— Счётная книга кухонной пристройки.

— Две папки с письмами благотворителей монастыря. Папки переданы представителю кафедры для проверки.

— Пустая обложка без листов. На внутренней стороне следы клея.

— Кожаный ремешок от дорожного ларца.

— Железный ключ малый, деформирован жаром.

— Три листа без печатей, текст частично повреждён водой. Слова, читаемые на первом листе: «северная», «если», «не открывай». Слова на втором: «письма», «перенести», «Северин». Третий лист склеен и не разнимается без повреждения.

На полях рукой, отличной от основного текста: Пункт двенадцатый изъять из общей описи. Передать в кафедральную папку. Не показывать сестре Беатрис.

III

Отчёт канцелярского смотрителя Эльмара Бруна о состоянии монастырского архива

Направлен в малый совет при дворе Эйзенвальда.

По распоряжению канцелярии осмотрен архив святой Урсулы после пожара. Строение старое, северная часть сильно повреждена; доступ в башню ограничен из-за трещины в кладке и обгоревших ступеней. Внутреннее устройство архива до возгорания отличалось неряшливым обилием частных хранилищ, что осложняет точное определение утрат. Хранительница Беатрис, монахиня преклонных лет, даёт сведения путано, повторяет, что «главное сторело», но на просьбу назвать главное перечисляет предметы разного свойства: письма без адресатов, старые послания, запечатанные связки, книга в сером переплёте, ларец с рябиновой меткой, пустые обложки и частные записи неизвестных лиц. Подобное смешение может происходить из-за возраста или вследствие неподобающего отношения к архиву, где юридически значимые бумаги годами соседствовали с сентиментальными остатками частной жизни.

При осмотре нижнего скриптория обнаружены признаки неравномерного горения. Стол у восточной стены сохранил две ножки, хотя стоявший рядом шкаф выгорел целиком. Пол у двери закопчён в направлении коридора, что может указывать на сквозняк. Следов лампы, объявленной причиной пожара, найдено мало: оловянное основание лежало в стороне от стола, фитиль отделён, стекло разбито вдоль, но вокруг нет обычного круга пролитого масла. Стражники объяснили это тем, что вода при тушении смыла следы. Возражать не стал: вода и вправду была всюду, даже в ящике с сухими перьями.

В северной нише, на которую указывала сестра Беатрис, уцелела каменная полка, а над ней часть стены с глубоким потемнением. Там стояли, по показаниям хранительницы, связки неотправленных писем, помещённых в архив по старому обычаю. От связок сохранились железные застёжки, три пряжки, обугленные углы переплётов, комки расплавленного воска. Один кусок воска тёмно-красного цвета имел на поверхности фрагмент оттиска, похожий на часть герба дома Ротенов; однако оттиск недостаточен для уверенного вывода. Сестра Беатрис, увидев этот обломок, схватила его рукой без рукавицы и обожгла пальцы. На вопрос, почему она считает его важным, ответила: «Потому что он здесь не должен был быть». Сведения проверяются.

Брат Аллард, отвечавший за хозяйственные записи, сообщил, что за два дня до пожара в архив приходили два человека от кафедры с предписанием сверить исповедальные выписки. Имена он не запомнил, поскольку один имел обычное лицо, а другой говорил мало. Описание неудовлетворительно. Послушница Марта утверждает, что один из этих людей носил плащ с подкладкой серого сукна и оставил снег на полу у северной лестницы. Снег зимой не является отличительным признаком. Мальчик-переписчик Питер до сих пор не найден; при неблагоприятном развитии следствия возможно предположить его причастность к небрежному обращению с огнём. При благоприятном — считать погибшим без обнаруженного тела. Данный пункт требует решения начальства, поскольку живой виновник полезнее мёртвого.

Отдельного внимания заслуживает пропажа части документов до начала огня. Сестра Беатрис настаивает, что некоторые связки отсутствовали уже тогда, когда она вошла в северный коридор. Слова её подтверждены косвенно: на одной из полок, покрытых копотью, видны чистые прямоугольные следы, где недавно лежали предметы. Огонь до этих мест дошёл позднее; пепел распределён неровно. Это может означать, что бумаги вынесли до пожара либо в первые минуты, пока дым не заполнил ход. Кто мог это сделать — не установлено. Ключ от северного хранилища находился у Беатрис, но дверь, по словам стражи, была заперта сна-

ружи. Замок найден раскрытым, язычок выгнут. Повреждение могло возникнуть при тушении. Могло возникнуть раньше.

Заключение предварительное: пожар уничтожил значительную часть архива, особенно материалы частного и неучтённого характера. Официальные ведомости уцелели в удовлетворительном количестве, что облегчает восстановление монастырского управления. Рекомендуется передать оставшиеся частные бумаги на временное хранение кафедре, под надзор архиепископа Северина, поскольку монастырское руководство показало слабость в обеспечении порядка. Хранительницу Беатрис следует освободить от прежних обязанностей до выяснения всех обстоятельств; однако резкое отстранение может вызвать нежелательные разговоры среди сестёр. Лучше объявить, что она нуждается в отдыхе после ожога.

Смотритель Эльмар Брун при королевской канцелярии

IV

Внутреннее письмо архиепископа Северина настоятелю кафедрального совета Копия. Внизу — помета: «Подлинник возвращён отправителю».

Досточтимый отец Ламбер,

происшествие в святой Урсуле требует спокойного и чистого изложения, поскольку всякая суета вокруг сгоревших бумаг способна произвести худший дым, чем сам пожар. Северное крыло монастырского письмовника пришло в упадок задолго до этой ночи. Хранилище, где веками складывали сомнительные частные послания, не имело надлежащей описи, а его хранительница, сестра Беатрис, подменяла церковный порядок личной привязанностью к бумаге. Некоторые старые женщины начинают видеть в пыли святость, если достаточно долго её не выметать.

Нам следует настаивать на версии о случайной лампе. Она проста, понятна городу, не обременяет корону поиском врагов и позволяет привести остатки архива к правильному устройству. Брат Аллард готов подтвердить наличие лампы в нижнем скриптории. Он слаб, но послушен. Молодая послушница, первая заметившая свет, уже напугана. Мальчик-переписчик исчез. Исчезновение бедного ребёнка неприятно, но в делах такого рода отсутствие свидетеля иной раз избавляет многих от тяжёлой путаницы.

Особый интерес представляет северная ниша, где, по слухам, хранились письма без адресатов и иные частные тексты. Часть этих бумаг спасена нашими людьми до того, как стража поняла, что именно следует выносить. Вынесенное следует рассортировать: богословски опасное — в кафедральную папку; политически чувствительное — в отдельный ящик; любовные письма знати — под замок, без лишних глаз. Опыт учит, что люди способны забыть грех, но редко забывают собственный почерк.

Не допускайте старуху Беатрис к остаткам. Её ожог не опасен, однако язык остался в прежней силе. Она уже спрашивала о трёх листах, изъятых из описи. Ей сказали, что листы распались от воды. Пусть повторяют это. Повторённая ложь становится похожей на трудную правду, особенно когда её произносят люди в рясах.

Дом Ротенов следует не задевать без необходимости. Старший сын проявил понимание и оказал содействие, хотя предпочитает, чтобы его имя не соприкасалось с монастырским делом. Младший, Элиас, наблюдает больше положенного. Его присутствие при осмотре нежелательно. Если он обратится к совету с просьбой о повторной проверке, дайте ему возможность читать несущественные ведомости. Молодых людей легче успокоить занятием, которое кажется полезным.

И ещё. Если среди изъятых писем обнаружатся строки, принадлежащие дочери покойного переписчика Вальна, не уничтожайте. Девица грамотна, дерзка и связана с архивом теснее, чем прилично человеку её положения. Такие руки редко пишут лишь то, что им разрешено. Её бумаги могут однажды понадобиться.

Благословляю ваше усердие.

Северин, архиепископ Эйзенвальдский

V

**Отрывок из монастырского журнала святой Урсулы
Запись сделана братом Аллардом. Чернила светлые; в словах несколько пропусков.**

В ночь после третьего дня Рождества случился пожар в северном крыле. Лампа, оставленная в нижнем скриптории, вероятно, стала причиной. Огонь поднялся к башенной лестнице. Сестры выведены во двор. Сестра Агнета кашляла, её перенесли в кухонную пристройку. Сестра Беатрис пыталась войти в горящее крыло, что было остановлено стражей. Ожог у неё на щеке и пальцах. Ведомости свечей спасены. Кухонная книга спасена. Исповедальные выписки частично спасены. Старые бумаги северной ниши утрачены.

Питер, ученик переписчика, отсутствует. Его скамья пуста. На скамье найден кусок хлеба и перо. Если мальчик жив, пусть Господь приведёт его обратно. Если погиб, пусть Господь примет его, хотя тела не нашли.

Сестра Беатрис весь день требовала ключи. Настоятельница велела ей лечь. Она отказалась. Потом сидела у колодца и держала в руке железную застёжку от сгоревшего сундука. Когда я подошёл, сказала: «Они вынесли до огня». Я попросил её не говорить так, пока нет доказательств. Она посмотрела на меня и ответила: «Ты сам теперь доказательство, Аллард». Не знаю, что она имела в виду. Записываю для порядка.

Я видел лампу вечером у стола. Или видел основание от неё утром. В голове дым. Трудно различить. Люди спрашивают одинаково.

VI

**Письмо сестры Беатрис к Мариэль де Вальн
Не внесено в реестр. Лист найден в двойной обложке молитвенника. На краю
— след копоты, в середине — отпечаток пальца, вероятно, обожжённого.**

Дитя,

пишу тебе в комнатке при южной галерее, где меня велели держать «до поправления здоровья». Хорошее выражение. Им пользуются, когда хотят запереть старую женщину без вида наказания. Дверь формально открыта, но у входа сидит послушница Марта с шитьём, а Марту приставили ко мне не за умение обращаться с иглой. Она каждые пять минут поднимает голову и смотрит, не умерла ли я от послушания. Пока разочаровываю.

Щека тянет от ожога. Правая рука слушается плохо, большой палец распух, кожа на нём слезла возле ногтя. Перо держу средним и указательным, отчего строки ползут к нижнему краю. Не смей потом ругать почерк. Старость, огонь и церковный надзор не улучшают каллиграфию. Чернила мне дали жидкие, бумагу — плохую, такую обычно выдают для списка фасоли. Я принимаю это за оскорбление, хотя фасоль в нашем монастыре, признаться, пережила больше святых порывов, чем иные богословы.

Ты должна знать, что пожар не был несчастным случаем. Я не пишу это из старческой злобы, хотя злоба во мне держится крепче здоровья. Лампа в нижнем скриптории вечером была потушена. Я сама велела Питеру погасить её, когда он начал клевать носом над переписью старых дарственных. Мальчик ворчал, попросил оставить ещё на четверть часа, затем послушался. Я видела, как фитиль дымил, как он накрыл лампу колпаком, как положил рядом тряпицу для масла. После этого мы заперли нижний зал. Я ушла к Агнете. Питер должен был идти в спальню учеников. До сих пор не знаю, дошёл ли.

Когда меня подняли ночью, северный коридор уже стоял красный, а не жёлтый. Огонь лампы в старом дереве даёт иной свет. Там же пламя шло по полкам сверху. Я добралась до первой двери и увидела на полу два следа в мокром снегу. Один широкий, с гвоздём на каблуке; другой уже, придворной работы. Через минуту эти следы затоптали стражники. Один из них потом сказал, что снега в коридоре не было. Конечно. После его сапог там и правды не осталось.

Ключ от северной ниши был при мне. Это я повторяла всем. Но замок нашли раскрытым, язычок выгнут. Его открывали не моим ключом. Снаружи. До пожара. Я знаю каждый замок в этом проклятом крыле лучше, чем собственные суставы. Старый железный замок у ниши скрипит дважды: сначала при вводе ключа, затем при повороте. Если его ломать, остаётся выгиб на правой стороне. Такой и остался. Я показала Фальку. Он отвёл глаза к обгоревшим балкам и сказал, что жар меняет металл. Жар, выходит, стал очень образован: выгнул ровно там, где нужен взломщику.

Сгорело многое. Связка писем вдовы мельника, которую ты любила за её красивую букву «т». Два письма королевской дочери, одно с пятном вина у края. Черновики аббатисы Клары, где она высказывалась о королевских сборщиках так, что ей бы не дали спокойно умереть, родись она позже. Обрывок с просьбой без подписи, найденный за алтарной плитой. Три письма солдата к жене, которую он пережил на тридцать лет и всё равно писал ей на каждую весну. Мелочь, скажут они.

Любовь — единственное, что люди всегда пытаются сжечь первым.

Запомни эту фразу, если письмо дойдёт. А лучше забудь, если за тобой следят. Я уже стара для осторожности, но ты ещё должна дожить до возраста, когда можно говорить правду и притворяться глухой.

Часть писем исчезла до огня. В этом главное. Северная полка, третья снизу, была пуста уже тогда, когда пламя лизало лестницу, но не добралось до ниши. Там лежала книга мёртвых

писем. Не вся, хвала Господу и моей недоверчивости. Ты помнишь, осенью я велела тебе перенести серую связку? Ты тогда спорила, что ниша надёжнее, потому что слишком известна. Глупость. Известное место ищут первым. Часть книги уцелела там, где ты её оставила после моего ворчания. Оставшуюся часть забрали. Кто — я не видела. Зато видела, что вынесено было аккуратно: на камне остался прямоугольник без копоти, а рядом — крошка красного сургуча.

Красного, дитя. Не монастырского. Наш сургуч бурый, дешёвый, с сажей в составе; трескается, если его перегреть. Красный кусок был плотный, гладкий, с жирным блеском. На нём часть оттиска: изгиб крыла или листа, трудно сказать. Брун забрал его раньше, чем я успела спрятать. Я схватила — дура старая, конечно, схватила голой рукой. Он был горячий. Отсюда ожог на пальцах. Брун посмотрел на меня так, как смотрят на человека, застигнутого за неприличной молитвой, и велел стражнику держать меня. С того времени меня «берегут».

Не доверяй Бруну. Он делает вид, что служит порядку, а служит тому столу, за которым сидит в эту минуту. Не доверяй Алларду полностью. Он слаб, а слабость в дни беды становится дырой в стене. Бедный брат видел что-то, но уже позволил чужим вопросам переставить воспоминания. Его будут спрашивать, пока он не вспомнит лампу именно там, где им нужно. Он не злодей. В монастырских делах это слабое утешение.

Мальчик Питер пропал. Здесь у меня рука останавливается. Я бранила его за кляксы, за хлебные крошки в ящиках, за привычку жевать конец пера, за то, что он слушает под дверями, где умным людям положено уходить. Если он погиб, тело должно было остаться где-нибудь у нижней лестницы. Тела нет. Если бежал, значит, успел увидеть достаточно. Если его увели, значит, кто-то понял это раньше меня. У него была родинка у губ и привычка считать ступени вслух, когда он торопился. Молись за него, но вслух не называй. Имена сейчас опаснее ножей.

Теперь о тебе.

Твоего имени в официальных бумагах пока нет. Люди вроде Северина не тратят грамотных женщин. Они ждут, пока письмо созреет до улицы, пока чужие руки добавят нужный страх, пока родовитый мужчина сделает глупость. Ты понимаешь, о ком я. Я старая, а не слепая. Не начинай защищаться на бумаге: я вижу, как ты складываешь его записки, как прячешь улыбку в рукав, как злишься, когда он пишет слишком ровно. Думала, я не замечаю? Дитя, я полвека читала чужие письма. Влюблённые люди пачкают даже пустые поля.

Я не стану спрашивать, что между вами. Скажу другое: сожги всё, что может стать оружием. Если не сможешь сжечь — раздели. Если не сможешь разделить — отдай мне. Если меня не подпустят — спрячь в месте, которое кажется слишком глупым для тайны.

Да, я сама всю жизнь хранила письма, которые следовало бы отдать огню, и теперь велю тебе жечь. Старуха имеет право на противоречия.

Северин прислал людей утром после пожара. Не на третий день, как запишут. Утром. Они знали, какие сундуки открыть. Один, с узким шрамом над губой, нашёл пустую обложку, куда мы раньше вкладывали листы без адреса. Он не удивился пустоте. Понимаешь? Человек не удивился отсутствию того, о чём не должен был знать. Он провёл пальцем по внутренней стороне, понюхал клей, потом сказал второму: «Поздно». Я стояла у двери, якобы слишком старая, чтобы понимать.

Фальк в донесении напишет о случайной лампе. Брун — о беспорядке хранения. Северин — о необходимости церковного надзора. Каждый из них положит на стол свой кусок правды, обрежет края и назовёт это целым листом. В итоге пожар станет удобным: огонь без виновника, утраты без перечня, пропажа без кражи. Архивам не нужны палачи, Мариэль. Им достаточно людей, умеющих составить правильную опись после преступления.

Я устала. Палец пульсирует, Марта у двери притворяется, что не засыпает, а прислушивается к Божьей воле. За окном снег. Он идёт мелко, сухо, стучит в ставни крупной. Северное крыло чернеет над двором, и всякий раз, когда ветер поворачивает, оттуда летят серые хлопья.

Сёстры крестятся. Я ловлю эти хлопья взглядом и думаю, какой лист стал воздухом на этот раз. Может, чья-то клятва. Может, счёт за овёс.

Если письмо дойдёт до тебя, ответ не посылай. Приди к южной прачечной на третий день после святой Агнессы, если сумеешь без свидетелей. Возьми серую накидку, не ту синюю, где у тебя порван край. Волосы спрячь. Не бери с собой его писем. Не бери ничего, что заставит тебя остановиться при обыске. Если увидишь человека со шрамом над губой, уходи к кухонному двору. Если у ворот будет Адриан Ротен, не поворачивай головы. Да, я знаю, кто он.

И последнее.

Не жалея бумагу больше человека. Мы все в архиве грешили этим. Бумага терпит, хранит, возвращает, обвиняет. Если выбирать придётся между письмом и дыханием — выбирай дыхание. Если между правдой и безопасностью — думай быстро, потому что мир редко ждёт, пока женщина найдёт красивый ответ.

Я спрячу этот лист в молитвенник с повреждённым корешком. Его никто не открывает: там скучные наставления о смирении. Лучшего укрытия для моего письма не найти.

Беатрис

VII

Второе приложение к делу о пожаре

Составитель не указан. Лист без подписи.

По итогам первичного разбирательства установлено:

— Возгорание возникло в нижнем скриптории вследствие оставленной лампы.

— Умысел не доказан.

— Пропажа отдельных бумаг объясняется уничтожением огнём и водой при тушении.

— Хранительница Беатрис вследствие возраста и повреждения здоровья даёт показания, не всегда согласующиеся с показаниями иных лиц.

— Ученик-переписчик Питер считается пропавшим. При появлении задержать для расспроса.

— Уцелевшие документы частного характера передать кафедре до восстановления монастырского порядка.

— Дальнейшее распространение слухов о преднамеренном повреждении архива пресекать как вредное для спокойствия города.

На нижнем поле, очень мелко, другой рукой: Северная ниша очищена до огня. Струха права. Лист уничтожить после прочтения.

VIII

Выписка из постановления кафедрального совета

Ввиду обнаружения среди изъятых после пожара бумаг частных писем, записок без печатей и иных свидетельств, имеющих отношение к Мариэль де Вальн, дочери покойного переписчика, постановлено:

- Допросить означенную Мариэль де Вальн о порядке хранения северной ниши.
- Установить, по чьему распоряжению книга мёртвых писем была перенесена до возгорания.
- Проверить её связь с Элиасом фон Ротеном, младшим сыном дома Ротенов.
- До завершения разбирательства не возвращать ей доступ к архивным помещениям.

На полях рукой неизвестного: «Не начинать с любви. Начать с огня».

ГЛАВА 4. Королевская помолвка

Осень 1318 года

Три документа, хранившиеся в отдельной папке дома Ротенов. На папке выведено: «О брачном соглашении с домом Вальден». Первые два листа заверены королевской канцелярией. Третий лист — письмо Элиаса фон Ротена к Мариэль де Вальн, без внешнего адреса, вложенное между черновиками земельного соглашения. Четвёртый — ответ Мариэль, найденный позднее в переплёте монастырской книги расходов.

На письме Элиаса красная печать дома Ротенов снята аккуратно. На ответе Мариэль печати нет.

I

Извещение королевской канцелярии о брачном соглашении Составлено при дворе Эйзенвальда, в месяц поздних дождей 1318 года.

По воле Его Величества, при согласии лорда Адриана фон Ротена, главы дома Ротенов, и при содействии добрых советников короны, утверждается предварительное брачное соглашение между Элиасом фон Ротеном, младшим сыном покойного лорда Герхарда фон Ротена, и госпожой Изольдой Вальден, дочерью маркграфа Тибальда Вальдена, владельца южных крепостей и хранителя перевалов на торговой дороге к Арманскому рубежу.

Союз сей признаётся полезным для укрепления королевского мира, обеспечения безопасности зимних поставок, удержания верности южных вассалов и прекращения давнего спора о праве сбора пошлин у Каменной переправы. Помолвка назначается на третий день после праздника святого Михаила. Брачная месса, по соглашению сторон, будет совершена после завершения переговоров о приданом, границах совместного владения и передаче залоговых земель.

Элиас фон Ротен обязуется до дня помолвки находиться при дворе и воздерживаться от частных обязательств, способных нанести ущерб достоинству будущего союза. Все прежние личные обещания, если таковые были даны без согласия главы дома и без надлежащей печати, не имеют силы в отношении брачного договора.

Писец королевской канцелярии

Эльмар Брун

II

Записка лорда Адриана фон Ротена младшему брату Без даты. Полоса плотной бумаги.

Элиас,

завтра после третьего часа тебя ждут в малом зале. Не опаздывай и не заставляй меня объяснять маркграфу Вальдену, что младшие сыновья нашего дома считают собственные настроения важнее королевской выгоды. Надень тёмный камзол без северной вышивки. Изольда Вальден слишком умна для женщины, воспитанной в крепости; она заметит любую небрежность и сочтёт её оскорблением.

Северин будет присутствовать. Король — часть церемонии, если охота не задержит его в лесу. До подписания предварительной статьи не пей больше одного кубка. Когда Брун подаст лист, ставь имя без разговоров. Твой почерк должен быть твёрдым. В прошлый раз ты подписал ведомость о свечном сборе рукой человека, который либо не спал трое суток, либо перечитывал стихи. Первое простительно, второе смешно.

Отдельно. Если у тебя имеются письма, записки, обрывки, пустые обещания, любые вещи, которые женщина низкого положения может истолковать как основание для надежды, уничтожь их. Сегодня. До вечерни. Не вынуждай меня заниматься этим самому.

Адриан

III

Письмо Элиаса фон Ротена к Мариэль де Вальн

Лист сложен дважды. Печать снята без повреждения бумаги. На обороте нет имени адресата. Внутри — след от пальца.

Госпоже де Вальн, состоящей при архиве святой Урсулы.

Милостивая госпожа,

пишу вам из восточной комнаты дворца, отведённой для частных переговоров, хотя после сегодняшнего дня само слово «частный» утратило при дворе остатки смысла. За стеной готовят малый зал к завтрашней церемонии: передвигают скамьи, разворачивают ковёр с королевскими лилиями, натирают серебряные подсвечники до такого блеска, что в них отражаются уставшие лица слуг. Внизу, под окнами, разгружают телеги Вальденов. Их люди говорят резко, южно, с привычкой проглатывать окончания. Одна из лошадей хромает; конюх бил её по шее рукавицей, пока мальчик-слуга не взял животное под узду и не отвёл к стене. Из всех присутствующих он один проявил благоразумие.

Письмо это должно быть коротким. Я уже испортил два листа и один обрезок с расчётом пошлин, пытаюсь найти форму, которая не оскорбит вас чрезмерной сухостью и не выдаст того, что сейчас не должно выходить за пределы комнаты. В итоге форма оказалась сильнее содержания. При дворе это считается воспитанием.

Королевская канцелярия сегодня объявила о предварительном соглашении между домом Ротенов и домом Вальден. Соглашение касается меня. Завтра в малом зале состоится помолвка с госпожой Изольдой Вальден, дочерью маркграфа южных крепостей. Договор имеет политическое значение, поскольку южная дорога повреждена осенними дождями, поставки зерна идут с задержкой, а королевская казна, если верить Бруну, уже не может терпеть старые споры о Каменной переправе.

Я обязан сообщить вам о перемене обстоятельств. С сегодняшнего дня мои поездки к святой Урсуле будут ограничены. Проверки монастырских ведомостей переданы другому служащему, по распоряжению лорда Адриана. Официальной причиной указано распределение обязанностей в связи с брачными переговорами. Неофициальные причины в нашем доме не записывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.